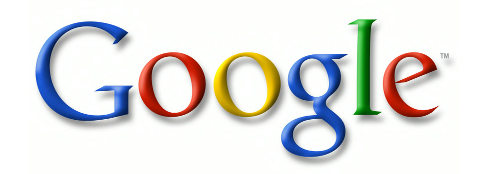

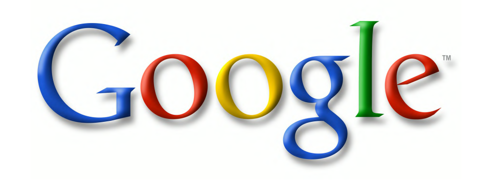

PZ63
R87
V.5248
STANFORD
LIBRARIES

Ученье свѣтъ
ИЗЪ КНИГЪ
№
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ
1) Гостин. дворъ 18
2) Невскій просп. 13
МОСКВА
1) Кузнец. мостъ 13
2) Моховая ул. 22

50

Ученіе свѣтъ
ИЗЪ КНИГЪ
№
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1) Гостин. дворъ 18
2) Невскій просп. 13
МОСКВА
1) Кузнец. мостъ 13
2) Моховая ул. 22

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ 20 ІЮНЯ 1892 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ 20 ІЮНЯ 1892 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ X-й.

М. В. Ломоносовъ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Избранныя стихотворенія. — Прозаическія статьи. — Матеріалы для изученія его сочиненій.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1892.

Императрица Елисавета Петровна.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ X-й.

М. В. Ломоносовъ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Избранныя стихотворенія. — Прозаическія статьи. — Матеріалы для изученія его сочиненій.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Іюня 1892 г.

верситету. Въ нашемъ изданіи, мы сочли умѣстнымъ исправить эту неточность и помѣстить оду Фенелона, какъ первое стихотворное произведеніе Ломоносова, написанное тоническимъ размѣромъ. Текстъ всѣхъ вообще стихотвореній его напечатанъ нами съ строгимъ соблюденіемъ орѳографіи подлинныхъ рукописей поэта, удержанной въ недавно вышедшемъ I томѣ полнаго собранія сочиненій его, изд. Академіей Наукъ, подъ редакціей М. Н. Сухомлинова. Къ сожалѣнію, мы не могли воспроизвести съ такой-же тщательностію прозаическихъ статей Ломоносова, не изданныхъ до сихъ поръ съ подобной-же точностью.

Въ качествѣ объяснительной статьи, помѣщаемъ изслѣдованіе акад. А. В. Никитенко: Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

СОДЕРЖАНІЕ.

верситету. Въ нашемъ изданіи, мы сочли умѣстнымъ исправить эту неточность и помѣстить оду Фенелона, какъ первое стихотворное произведеніе Ломоносова, написанное тоническимъ размѣромъ. Текстъ всѣхъ вообще стихотвореній его напечатанъ нами съ строгимъ соблюденіемъ ороографіи подлинныхъ рукописей поэта, удержанной въ недавно вышедшемъ I томѣ полнаго собранія сочиненій его, изд. Академіей Наукъ, подъ редакціей М. Н. Сухомлинова. Къ сожалѣнію, мы не могли воспроизвести съ такой-же тщательностію прозаическихъ статей Ломоносова, не изданныхъ до сихъ поръ съ подобной-же точностью.

Въ качествѣ объяснительной статьи, помѣщаемъ изслѣдованіе акад. А. В. Никитенко: Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

СОДЕРЖАНІЕ.

1) ОДА

которую сочинилъ Господинъ Франціскъ де Саліньнякъ деля Мотта Фенелонъ, Архіепіскопъ Дюкъ Камбрейскій, Священныя Римскія Имперїи Прінцъ [1].

1738.

1.

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

2.

Вы горамъ Ѳракійскимъ равны
Клалъ одну что на другу
Исполинъ отвагой славный
Что бъ взотти небесъ къ верьху.

---

[1]) Ода Фенелона (1651—1715), французскаго писателя, автора извѣстной книги „Похожденія Телемака", напечатана была въ приложеніи къ послѣдней. Переводъ ея, сдѣланный Ломоносовымъ, замѣчателенъ, какъ первый въ русской литературѣ опытъ тоническаго стихосложенія, если не считать шутливаго стихотворенія Ломоносова школьныхъ лѣтъ: „Услышали мухи медовыя духи"... Переводъ этотъ недавно найденъ акад. Куникомъ и впервые напечатанъ лишь въ 1854 г. Въ орѳографіи ея Ломоносовъ придерживается еще фонетическаго начала, т. е. пишетъ такъ, какъ говорятъ: серца, сладкой, мяхкой и пр.

1) ОДА

которую сочинилъ Господинъ Францїскъ де Салїньнякъ деля Мотта Фенелонъ, Архїепїскопъ Дюкъ Камбрейскїй, Священныя Рїмскїя Їмперїи Прїнцъ [1].

1738.

1.

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

2.

Вы горамъ Ѳракїйскимъ равны
Клалъ одну что на другу
Исполинъ отвагой славный
Что бъ взотти небесъ къ верьху.

---

[1]) Ода Фенелона (1651—1715), французскаго писателя, автора извѣстной книги „Похожденія Телемака", напечатана была въ приложеніи къ послѣдней. Переводъ ея, сдѣланный Ломоносовымъ, замѣчателенъ, какъ первый въ русской литературѣ опытъ тоническаго стихосложенія, если не считать шутливаго стихотворенія Ломоносова школьныхъ лѣтъ: „Услышали мухи медовыя духи"... Переводъ этотъ недавно найденъ акад. Куникомъ и впервые напечатанъ лишь въ 1854 г. Въ орѳографіи ея Ломоносовъ придерживается еще фонетическаго начала, т. е. пишетъ такъ, какъ говорятъ: серца, сладкой, мяхкой и пр.

Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымаютъ,
Бурей ярость посрамляютъ
Всѣхъ бунтующихъ вѣтровъ.

3.

Какъ на сихъ горахъ червленой
Начинаетъ видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
Скачютъ на лугахъ ягнята,
То гдѣ лыва [1]) кустовата
По истокамъ вдоль ростĵотъ,
Зéфîръ древъ верьхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
Спать стада при шумѣ водъ.

4.

Но съ пригожствомъ на угрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Что бъ я зрилъ очми и думой
Бреги какъ моей рѣки
Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ не смѣютъ устремленны
Вѣтры волнъ когда́ взбудить.
Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
Не пускаютъ зиму жить.

5.

Пўстыня, гдѣ быстриною
Стрĵожъ [2]) моей рѣки шумитъ

[1]) Лыва — лужа, болото, выраженіе областного архангельскаго нарѣчія.
[2]) Русло, фарватеръ, достаточно глубокое мѣсто для плаванія суднамъ.

Чистой только лишъ водою,
Спѣшно пѣнючись бѣжитъ.
Гдѣ два острова прекрасны
Какъ щастливы вѣтьвми рясны
Зраќу могутъ радость дать
Серце каковой желаетъ:
Лѷра что моя незнаетъ
Пѣснь тебѣ Боговъ вспѣвать!

6.

Вѣтръ отъ запада прїятно
Въ нашихъ вѣетъ тихъ лѣсахъ,
И волнуетъ многократно
Желты класы на поляхъ
Полнитъ чемъ Церéса [1]) гумна.
Сила Бáкхусова шумна
Обагряетъ вїноградъ,
Со пригоровъ, что высоки,
Много лĵотъ вїна потоки,
На поляхъ тѣ-въ низъ бѣжатъ.

7.

За полями гдѣ ужъ спѣетъ
Даръ Цересы золотой
Горъ порядокъ [2]) чють синѣетъ
Долы скрыты далиной [3]),
Дивны этихъ всѣ фїгуры
Только лишъ игра натуры
При своихъ брегахъ каналъ
Такъ какъ зерькало правдиво
Горїзонтъ являетъ живо
Чистой тотъ въ себѣ крїсталъ.

---

[1]) Цереса — отъ франц. Cerès, Церера.
[2]) Порядокъ — рядъ, обл. арханг. выраженіе.
[3]) Далина — даль, дальное разстояніе.

Умытымъ кровію мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся [1]).

10.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Рассыпалъ вредны Россамъ стѣны? [2])
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны? [3])
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѳскимъ приплывалъ брегамъ [4]),
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11.

Кругомъ Его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ Смиритель странъ Казанскихъ? [5])
Каспійски воды, Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

12.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,

---

[1]) Петръ Великій.
[2]) Стѣна Азова, взятаго Петромъ.
[3]) Персидскій походъ его-же.
[4]) Къ шведскимъ берегамъ.
[5]) Іоаннъ Грозный.

Нетщетенъ подвигъ мой и твой
Чтобъ Россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ нечуетъ.

13.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Что̀ протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечь и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже тряхнувшись легкій листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстро̀ сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

14.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15.

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;

Ярясь волнами Турка льетъ,
Чтó стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдней разъ заноситъ ногу.
И что земля его носитъ
Не хочетъ, что не могъ покрыть:
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ [1]) твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Росскій полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Чтò васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи возсіяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовію горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой уже денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;

---

[1]) Турецкая пѣхота.

От̀ встока скачетъ по сту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицемъ сіяетъ Фебъ [1]) на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивится:
Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
Коль долго кругъ вѣковъ катится.

19.

Какъ въ клубъ змія себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ,
И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;
Превыше молній, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадовъ.
Предъ Росской такъ дрожитъ Орлицей,
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
Предъ сильной устоять Царицей?

20.

Кто скоро толь тебя, Калчакъ, [2])
Учитъ Россійской вдаться власти,
Ключи вручить въ подданства знакъ,
И большей избѣжать напасти?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,
Что падшихъ передъ ней щадитъ.
Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ [3]),
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
Извергли духъ серца кичливы.

[1]) Фебъ — у грековъ богъ солнца, ѣдущій по небу въ колесницѣ.
[2]) Имя турецкаго султана, побѣжденнаго русскими.
[3]) Т. е. Рейнъ.

Ярясь волнами Турка льетъ,
Чтó стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдней разъ заноситъ ногу.
И что земля его носить
Не хочетъ, что не могъ покрыть:
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ [1]) твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Россiй полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Чтò васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи воссiяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовiю горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой уже денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;

---

[1]) Турецкая пѣхота.

Нетщетенъ подвигъ мой и твой
Чтобъ Россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ нечуетъ.

13.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Чтò протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечь и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Уже тряхнувшись легкій листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстрò сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

14.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15.

Вливаясь въ Понтъ, Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;

Ярясь волнами Турка льетъ,
Чтó стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ, что уже теперь
Въ послѣдней разъ заноситъ ногу.
И что земля его носитъ
Не хочетъ, что не могъ покрыть:
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ [1]) твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Россiй полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Чтò васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи воссiяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовiю горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой уже денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;

---

[1]) Турецкая пѣхота.

От встока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сіяет Феб [1]) на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дѣло зря, дивится:
Я мало таковых видал
Побѣд, коль долго я блистал,
Коль долго круг вѣков катится.

19.

Как в клуб змія себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит,
И там парит, гдѣ вѣтр не воет;
Превыше молній, бурь, снѣгов,
Звѣрей он видит, рыб, гадов.
Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стѣсняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стѣнах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?

20.

Кто скоро толь тебя, Калчак, [2])
Учит Россійской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак,
И большей избѣжать напасти?
Правдивой Аннин гнѣв велит,
Что падших перед ней щадит.
Ея взошли и там оливы,
Гдѣ Вислы ток, гдѣ славный Рен [3]),
Мечем противник гдѣ смирен,
Извергли дух серца кичливы.

[1]) Феб — у греков бог солнца, ѣдущій по небу в колесницѣ.
[2]) Имя турецкаго султана, побѣжденнаго русскими.
[3]) Т. е. Рейн.

21.

О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое збросили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили;
И варварскія руки тѣ,
Чтò ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонъ уже несутъ óковы;
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы.

22.

Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ не дала спокойно.
Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ Анной пасть?
Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ згоритъ;
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ;
Евфратъ въ твоей крови смутится.

23.

Чинитъ премѣну чтò во всемъ?
Чтò очи блескомъ проницаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу веселъ кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность взноситъ круги;
И правда взявъ перо злато,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль Ея заслуги.

24.

Витійство, Пиндаръ [1]), устъ твоихъ
Тяжчаебъ Ѳивы обвинили;
За тѣмъ, что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россія какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтутъ Ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

25.

Россія, коль щастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ Покровомъ!
Какія видишь красоты
При семъ торжествованьи новомъ!
Военныхъ нестрашися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ;
То наша радость презираетъ.

26.

Казацкихъ поль заднѣстрской тать [2]),
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ.
Несмѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницой гдѣ покой насѣянъ,
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Ни гдѣ не знавъ плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;

---

[1]) Знаменитый греческій поэтъ-лирикъ.

[2]) Т. е. воръ, грабившій казацкія поля за Днѣстромъ.

Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

27.

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Салдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

28.

Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной Героиня,
Седми пространныхъ морь бреговъ
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ что крѣпость силъ Твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

3) Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія[1]).

1743.

1.

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,

---

¹) По замѣчанію акад. Пекарскаго, ода эта — одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведеній нашего писателя, самымъ блестящимъ его стихотвореніемъ.

Взошла на горы чорна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

2.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ перстъ между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

3.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ таже сила естества.

4.

Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

5.

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вы знаете пути планетъ,
Скажите, чтó нашъ умъ мятетъ?

6.

Чтó зыблетъ ясный ночью лучь?
Чтó тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучь
Стремится отъ земли въ Зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

7.

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ Ефиръ.

8.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ, чтó окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажитежь, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Ктожь знаетъ, коль великъ Творецъ?

4) Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

1743.

1.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись возрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сія ужасная громада
Какъ искра предъ Тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что̀ Ты творить намъ повелѣлъ!

5.

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

6.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ Твой въ бездну проницаетъ,

*

Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Ліется радость твари всей.

7.

Творецъ, покрытому мнѣ тмою,
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

5) ОДА

на день восшествія на всероссійскій престолъ Ея Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года[1]).

1.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина [2]),
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

---

[1]) Ода названа радостнымъ и благодарственнымъ приношеніемъ русскихъ музъ, подъ которымъ Ломоносовъ разумѣетъ Академію Наукъ, основанную по мысли Петра Великаго, открытую при Екатеринѣ I, оживленную и возстановленную при Елисаветѣ Петровнѣ. По мнѣнію Мерзлякова, высокое достоинство этой оды заключается въ томъ, что въ ней «дышетъ небесная страсть къ наукамъ».

[2]) Миръ, водворенный Елисаветой Петровной послѣ продолжительныхъ войнъ.

2.

Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты, кромѣ Той, всего превыше;
Но духъ ея зефира тише,
И зракъ пріятнѣе Рая.

3.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышній подалъ ей вѣнецъ,
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя пріявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

4.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда Ты крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5.

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія Твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мірѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.

7

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель міра искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію Человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка [1]).
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россію варварствомъ попранну
Съ собой возвысилъ до небесъ.

---

[1]) Петръ Великій.

8.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чюдился,
Взирая на Россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна,
Сомнѣнная [1]) Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

9.

Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

10.

Но ахъ! жестокая судьбина!
Бессмертія достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ [2]) рыданій нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски восстенали,

[1]) Недоумѣвающая.

[2]) Услышавъ.

И Музы воплемъ провожжали
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана [1]) постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

12.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь [2]).
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

13.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны

---

[1]) Древнее римское названіе р. Сены, приведенное вм. Парижа, какъ Нева вм. Петербурга.

[2]) Елисавета Петровна.

Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14.

Сія Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки,
Воззри въ поля Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15.

Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ [1]).

16.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои взвѣваетъ знамена;

---

[1]) Намекъ на необходимость развитія горныхъ наукъ и металлургіи.

Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19.

Со мрачной вѣчности запону [1])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,

[1]) Завѣсу.

Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На востокъ пловущихъ кораблей;
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей [1]).

20.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

21.

И се Минерва [2]) ударяетъ
Въ верьхи Рифейски [3]) копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.
Плутонъ [4]) въ рассѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,

---

[1]) Россійскій Колумбъ—русскій мореплаватель Берингъ, открывшій между Азіей и Америкой проливъ, названный его именемъ. Строфы эти, по словамъ Галахова, точно предрекаютъ будущую славу русскаго мореплаванія.

[2]) Богиня мудрости у др. римлянъ, подъ которой поэтъ разумѣетъ Елисавету Петровну.

[3]) Рифей—древнее названіе Уральскихъ горъ.

[4]) Богъ ада у др. грековъ, мѣстопребываніе котораго въ глубинѣ земли.

Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

22.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ [1])
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [2])
Россійская земля раждать.

23.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,

---

[1]) Знаменитый греческій философъ (429—347 до Р. Х.).
[2]) Знам. англійскій астрономъ (1643—1727).

Противъ Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

6) КЪ МУЗѢ.

(Изъ Горація).

1747.

Я знакъ бессмертїя себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ;
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великїй Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
Гдѣ Давлусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатной родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италїю стихи Еольски,
И перьвому звѣнѣть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой муза,
И увѣнчай главу Дельфїйскимъ лавромъ.

7) ОДА

На день восшествія на престолъ Ея Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, воссіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да рассмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей,
Покрытаго судами моря
Пловущими къ земли Твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

4.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи,
И время Твоея державы
Да ублажатъ раби Твои.

Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

5.

Годину ту [1]) воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

6.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ Отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась,
И тьма произвела намъ свѣтъ.

7.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,

---

[1]) Царствованіе Анны Іоанновны.

Блестящими шумя крилами
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается оставивъ розы
И сотомъ напоённы лозы
Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою Царицу окружаетъ
И тѣсно въ слѣдъ ея лѣтаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

8.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь взиралъ на Твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился
И плескъ взносилъ до облаковъ.

9.

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ Себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды [1])
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступили вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

10

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ,

[1]) Относится къ Швеціи съ ея борьбою политическихъ партій.

Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чемъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

11.

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой лаврами обвитый
Необнаженъ войну пресѣкъ [1]).

12.

Европа и весь миръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ Добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ.
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархиня, Твои дѣла!
Народовъ Твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

---

[1]) Намекъ на Ахенскій миръ, заключенный, благодаря вмѣшательству Россіи.

13.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что Ты Защитница и Мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда щедроты пѣть стремимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы [1]) предъ Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
Пространный удивила свѣтъ.

14.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

15.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты,
Чтó въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.
Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.

---

[1]) Шведы.

Похвалъ пучина отворилась,
Смущенна мысль остановилась,
И словъ къ тому достатка нѣтъ.

16.

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ.

17.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями .
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ [1]) отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавкасъ.

18.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные Иркански бреги [2]),

---

[1]) Китайцевъ.
[2]) Берега Каспійскаго моря.

Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны,
Стоятъ глубокіе лѣса,
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19.

Сс мрачной вѣчности запону [1])
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ ни закону,

[1]) Завѣсу.

Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.

22.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ [1])
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ [2])
Россійская земля раждать.

23.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,

---

[1]) Знаменитый греческій философъ (429—347 до Р. Х.).
[2]) Знам. англійскій астрономъ (1643—1727).

Противъ Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

6) КЪ МУЗѢ.

(Изъ Горація).

1747.

Я знакъ бессмертїя себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ;
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великїй Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авфидъ,
Гдѣ Давлусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатной родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италїю стихи Еольски,
И перьвому звѣнѣть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой муза,
И увѣнчай главу Дельфїйскимъ лавромъ.

7) ОДА

На день восшествія на престолъ Ея Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, воссіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да рассмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей,
Покрытаго судами моря
Пловущими къ земли Твоей.
Да всѣхъ глубокій миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

4.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи,
И время Твоея державы
Да ублажатъ раби Твои.

Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

5.

Годину ту [1]) воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ.

6.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласомъ возгремите,
И пойте сей великій день,
Когда въ Отеческой коронѣ
Блеснула на Россійскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась
И тьма произвела намъ свѣтъ.

7.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,

---

[1]) Царствованіе Анны Іоанновны.

Блестящими шумя крилами
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается оставивъ розы
И сотомъ напоённы лозы
Со тщаніемъ отвсюду рой,
Свою Царицу окружаетъ
И тѣсно въ слѣдъ ея лѣтаетъ
Усердіемъ вперенный строй.

8.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россійскій родъ,
И радостію восхищенный
Тѣснясь взиралъ на Твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдиною
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великій градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился
И плескъ взносилъ до облаковъ.

9.

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ Себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды [1])
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступили вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

10

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Руки своей простерти къ намъ,

[1]) Относится къ Швеціи съ ея борьбою политическихъ партій.

Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чемъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Уже предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны страны.

11.

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой лаврами обвитый
Необнаженъ войну пресѣкъ [1]).

12.

Европа и весь миръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ миліонъ,
Колика нынѣ Добродѣтель
Россійскій украшаетъ тронъ.
О какъ сіе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ,
Монархиня, Твои дѣла!
Народовъ Твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

---

[1]) Намекъ на Ахенскій миръ, заключенный, благодаря вмѣшательству Россіи.

13.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что Ты Защитница и Мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда щедроты пѣть стремимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы [1]) предъ Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
Пространный удивила свѣтъ.

14.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

15.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души и тѣла красоты,
Чтó въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.
Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великій Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.

---

[1]) Шведы.

Похвалъ пучина отворилась,
Смущенна мысль остановилась,
И словъ къ тому достатка нѣтъ.

16.

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зритъ своей державы
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ.

17.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ [1]) отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавкасъ.

18.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се зпойные Иркански бреги [2]),

---

[1]) Китайцевъ.

[2]) Берега Каспійскаго моря.

Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азіи достигнулъ,
Свои знамена тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ.

19.

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многіе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

20.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои границы,
Гдѣ Левъ гордящійся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
И двигалъ въ мысляхъ вознесенныхъ
Одной вселенную рукой.
Но палъ и токмо звукъ достигнулъ
Ѳракійскихъ горъ и ихъ подвигнулъ,
Дунай, съ твоею быстриной“.

21.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта лаврами глава.
Тамъ равнымъ жаромъ воспаленны

Сердца, какъ храмы освѣщенны
Въ исполненной утѣхъ ночи.
О сладкій вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая
Подобны облисталъ лучи.

22.

Сіе Россія восхищенна
Въ веселіи своемъ гласитъ;
Москва едина на колѣна
Упавъ передъ Тобой стоитъ,
Власы сѣдыя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опаленны,
Возри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоея.

23.

Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсудствуя ты будешъ съ нами.
Покрытымъ Орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ?

24.

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,

И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

8) Преложеніе псалма 103 [1]).

1749.

1.

Да хвалитъ Духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца Державу,
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

2.

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта.
Ты звѣзды распростеръ бесчета.
Шатру подобно предъ Тобой.

3.

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крилами вѣтровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь Ты.

4.

И воли Твоея послы
Какъ устремленія воздушны
Всесильнымъ маніямъ послушны
Текутъ, горятъ, не зная мглы.

---

[1]) Псаломъ 103 „Благослови душе моя Господа“, который А. Гумбольдъ считалъ однимъ изъ величайшихъ произведеній, поражалъ Ломоносова въ особенности величественнымъ изображеніемъ картины мірозданія. Написанное имъ переложеніе этого псалма сдѣлано, между прочимъ, по совѣту Татищева.

5.

Ты землю твердо основалъ
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы
И вѣчну непреклонность далъ.

6.

Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

7.

Ихъ воля Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И въ тучи устрашась тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.

8.

Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

9.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничѣмъ бы въ низъ не преклонились,
Кромѣ Твоихъ безмѣрныхъ силъ.

10.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя:
Журчатъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи.

11.

И напояютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя питаютъ;
И ждутъ ослы, какъ въ жаждѣ таютъ,
Отрады отъ руки Твоей.

12.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣніе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.

13.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣ народы насыщаешь,
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

14.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ
Намъ разны зелія въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

15.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ;
Вино въ печали утѣшаетъ
И серце радостью.... живитъ.

16.

Древамъ даешь обильный тукъ;
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый.
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

9) Надпись на спускъ корабля имянуемаго Святаго Александра Невскаго 1749 года.

Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину збѣжала [1]),
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ;
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ Великаго Петра мы не имѣли.

10) Къ статуѣ Петра Великаго.

1750.

Се образъ изваянъ премудраго Героя,
Что̀ ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣдній принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ войнахъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ збиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ;
И словомъ се есть Петръ отечества Отецъ;
Земное божество Россія почитаетъ,
И столько алтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть ему обязанныхъ сердецъ.

---

[1]) Подъ „горою“ Ломоносовъ разумѣетъ положеніе строющагося корабля на высокихъ подмосткахъ, съ которыхъ его спускаютъ въ море.

11) Преложеніе псалма 1.

1750.

1.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

2.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

3.

Какъ древо, онъ распространится,
Что̀ близъ текущихъ водъ растетъ,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

4.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

5.

И такъ злодѣи не восстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдъ.

6.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубитъ.

12) Ода, выбранная изъ Іова [1]).

(Главы 38, 39, 40 и 41).

1750.

1.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ,
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

2.

Збери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

3.

„Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсіяли

[1]) Въ выборѣ Ломоносовымъ для переложенія книги Іова, по словамъ акад. М. И. Сухомлинова, обнаруживается чутье натуралиста, умѣющаго понимать поэтическое достоинство изображеній природы и ея явленій. А. Гумбольдтъ называетъ книгу Іова однимъ изъ величайшихъ произведеній литературъ.

Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

4.

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвигнулъ Океанъ?

5.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

6.

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину?
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

7.

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,

И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

8.

Твоей ли хитростью [1]) взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ
Что̀ я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты ль создалъ?

9.

„Воззри въ лѣса на бегемота,
Что̀ мною сотворенъ съ тобой;
Колючей тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

10.

Ты можешь ли Левіаѳана[2])
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями

---

[1]) Умомъ.

[2]) *Морское* чудовище, упоминаемое въ книгѣ Іова.

Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечь и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

11.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.

12.

Когда ко брани устремится;
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ разкаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

13.

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка;
За чемъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

14.

Сіе, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителеву власть,

Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

13) Надпись, напечатанная въ уставѣ Воспитательнаго въ Москвѣ Дома, 1763 года.

Блаженство общества вседневно возростаетъ,
Монархиня труды къ трудамъ соединяетъ,
Стараясь о добрѣ великихъ намъ отрадъ,
О воспитаніи печется малыхъ чадъ,
Дабы, что въ отчествѣ оставленно призрѣнно,
Пріобрѣло ему сокровище безцѣнно;
И чтобъ изъ тяжкаго для общества числа
Воздвигнуть съ нравами похвальны ремесла.
Рачители добра грядущему потомству!
Внемлите съ радостью полезному питомству;
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности Монаршаго примѣра:
Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью, за ней.

14) КЪ ПАХОМІЮ.

Пахомій говоритъ, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совѣсть будь готова.
Ты будешь казнодѣй [1]), лишь только стань попомъ,
И стыдъ весь отложи. Однако врешь, Пахомъ.
На что риторику совсѣмъ пренебрегаешь?

---

[1]) *Бережливый* человѣкъ.

Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь.
Василій, Златоустъ [1]), церковные столпы,
Учились долѣе, какъ нынѣшни попы.
Гомера, Пиндара, Демосѳена читали
И проповѣдь свою ихъ штилемъ предлагали.
Натуру, общую всей прочей твари мать,
Небесъ, земли, морей старались испытать:
Дабы Творца чрезъ то по мѣрѣ силъ постигнуть
И важностью вещей сердца людски подвигнуть.
Не ставили за стыдъ изъ басенъ выбирать,
Чѣмъ къ праведнымъ дѣламъ возможно преклонять.
Ты словомъ Божіимъ незнанье закрываешь
И больше тѣхъ мужей у насъ быть уповаешь.
Ты думаешь, Пахомъ, что ты ужъ Златоустъ!
Но мы увѣрены о томъ, что мозгъ твой пустъ.
Намъ слово Божіе чувствительно, любезно
И лишь во ртѣ твоемъ безсильно, безполезно.
Нравоученіемъ преславный Телемакъ [2])
Стократъ полезнѣе твоихъ нескладныхъ вракъ.

15) Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1771 году ѣхалъ просить о подписаніи привиллегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ же.

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь,
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;

---

[1]) Василій Великій (329 — 379) и Іоаннъ Златоустъ (347 — 407) знаменитые отцы церкви.

[2]) Извѣстное сочиненіе французскаго моралиста Фенелона: „Приключенія Телемака“.

Ты ангелъ во плоти; иль, лучше, ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому.

16) О ПОЛЬЗѢ
КНИГЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ древнія времена, когда славянскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены, для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народамъ извѣстныхъ, тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго на славянскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила еллинскаго слова коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ, видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуду умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно. Правда, что многія мѣста оныхъ переводовъ не довольно вразумительны; однако польза наша весьма велика. При семъ хотя нельзя прекословить, что съ начала переводившіе съ греческаго языка книги на славенскій не могли миновать и довольно

остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славенскому языку странныхъ, однако оныя чрезъ долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ, что̀ предкамъ нашимъ казалось не вразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно.

Справедливость сего доказывается сравненіемъ россійскаго языка съ другими, ему сродными. Поляки, преклоняясь издавна въ католическую вѣру, отправляютъ службу, по своему обряду, на латинскомъ языкѣ, на которомъ ихъ стихи и молитвы сочинены во времена варварскія, по большей части отъ худыхъ авторовъ, и потому ни изъ Греціи, ни отъ Рима не могли снискать подобныхъ преимуществъ, каковы въ нашемъ языкѣ отъ греческаго пріобрѣтены. Нѣмецкій языкъ по то время былъ убогъ, простъ и безсиленъ, пока въ служеніи употреблялся языкъ латинскій. Но какъ нѣмецкій народъ сталъ священныя книги читать и службу слушать на своемъ языкѣ, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели. Напротивъ того, въ католицкихъ областяхъ, гдѣ только одну латынь, и то варварскую, въ служеніи употребляютъ, подобнаго успѣха въ чистотѣ нѣмецкаго языка не находимъ.

Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности, такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: *высокій*, *посредственный и низкій*. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ*, *слава*, *рука*, *нынѣ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны*, *овогда, свѣнѣ* и

симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить не пристойно, какъ только въ подлыхъ [1]) комедіяхъ.

Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій рождаются три штиля: *высокій*, *посредственный и низкій*. Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаичныя рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ передъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ. Средній штиль состоять долженъ изъ реченій, больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И, словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновенное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги [2]) и элегіи

---

[1]) Простонародныхъ.

[2]) Эклоги — стихотворенія, содержаніе которыхъ заимствовано изъ пастушеской жизни.

сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ. Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, то есть, которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ общенеупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матерій, каковы суть комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ—дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію. Но всего сего подробное показаніе надлежитъ до нарочнаго наставленія о чистотѣ россійскаго штиля.

Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славянскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы.

Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному воображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика, однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки, и сіе во первыхъ по мѣсту.

Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальнее разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, баварскій крестьянинъ мало разумѣетъ мекленбургскаго, или бранденбургскій швабскаго, хотя всѣ того-же нѣмецкаго народа.

Потверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славянскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ, говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ, который весьма много съ нашимъ нарѣчіемъ сходнѣе, нежели польскій, не взирая на безразрывную нашу съ Польшею пограничность.

По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣка, больше семисотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было: не такъ какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время.

Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ россійскомъ языкѣ, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству предлагаемой матеріи, наблюдая равность слога. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется; и россійскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славенскомъ языкѣ украшаться будетъ.

Сіе краткое напоминаніе довольно къ движенію ревности въ тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго, безъ

искусныхъ въ немъ писателей, не мало затмится слава всего народа. Гдѣ древній языкъ ишпанскій, галскій, британскій и другіе, съ дѣлами оныхъ народовъ? Не упоминаю о тѣхъ, которые въ прочихъ частяхъ свѣта у безграмотныхъ жителей во многіе вѣки чрезъ преселеніе и войны разрушились. Бывали и тамъ герои, бывали отмѣнныя дѣла въ обществахъ, бывали чудныя въ натурѣ явленія; но всѣ въ глубокомъ невѣдѣніи погрузились. Горацій говоритъ:

Герои были до Атрида; [1])
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Счастливы греки и римляне передъ всѣми древними европейскими народами. Ибо хотя ихъ владѣнія разрушились, и языки изъ общенароднаго употребленія вышли, однако изъ самыхъ развалинъ, сквозь дымъ, сквозь звуки въ отдаленныхъ вѣкахъ слышенъ громкій голосъ писателей, проповѣдающихъ дѣла своихъ героевъ, которыхъ любленіемъ и покровительствомъ ободрены были превозносить ихъ купно съ отечествомъ. Послѣдовавшіе поздніе потомки, великою древностію и разстояніемъ мѣстъ отдѣленные, внимаютъ имъ съ такимъ же движеніемъ сердца, какъ бы ихъ современные одноземцы. Кто о Гекторѣ и Ахиллесѣ читаетъ у Гомера безъ рвенія? Возможно ли безъ гнѣва слышать Цицероновъ громъ на Катилину [2])? Возможно-ли внимать Гораціевой лирѣ, не склонясь духомъ къ Меценату [3]), равно какъ бы онъ нынѣшнимъ наукамъ былъ покровитель? Подобное счастіе оказалось нашему отечеству отъ просвѣщенія Петрова и дѣйствительно настало и основалось щедротою великія его дщери. Ею ободренныя въ

---

[1]) Атридами назывались сыновья Атрея: Агамемнонъ и Менелай, герои Троянской войны.

[2]) Извѣстная рѣчь Цицерона (106—43) противъ Катилины.

[3]) Меценатъ—извѣстный покровитель поэтовъ и художниковъ времени Горація, другъ Августа.

Россіи словесныя науки не дадутъ никогда придти въ упадокъ россійскому слову. Станутъ читать самые отдаленные вѣка великія дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа [1]) Елисавета; имѣетъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство ея отеческій градъ снабденъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнаса [2]), веселится своимъ симъ украшеніемъ и показываетъ оное всѣмъ городамъ россійскимъ, какъ вѣчный залогъ усердія къ отечеству своего основателя, на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ.

17) ПИСЬМО

О ПРАВИЛАХЪ РОССІЙСКАГО СТИХОТВОРСТВА.

Почтеннѣйшіе Господа!

Ода, которую вашему разсужденію вручить нынѣ высокую честь имѣю, ничто иное есть, какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія нашея монархини преславная надъ неприятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбудила [3]). Моя продерзость, васъ неискуснымъ перомъ утруждать, только отъ усердныя къ отечеству и его славѣ любви происходитъ. Подлинно, что для скудости къ сему предпріятію моихъ силъ, лучше бы мнѣ молчать надо. Однако не сомнѣваясь, что ваше сердечное радѣніе къ распространенію и исправленію россійскаго языка и мое въ семъ неискусство и въ россійскомъ стихотворствѣ недовольную способность извинитъ, а доброе мое намѣреніе

---

[1]) Августъ (высокій, величественный) — титулъ перваго римскаго императора Октавія; отсюда Августа — тоже, что императрица.

[2]) Московскій университетъ, основанный при Елисаветѣ.

[3]) Ода на взятіе Хотина.

за благо приметъ, дерзнулъ наималѣйшій сей мой трудъ, купно со слѣдующимъ *о нашей версификаціи вообще разсужденіемъ*, вашему предложить искусству. Не пристрастіе меня къ сему понудило, чтобы большее искусство имѣющимъ правило давать: но искренное усердіе заставило отъ васъ самихъ научиться, правдивы ли оныя мнѣнія, что я о нашемъ стихосложеніи имѣю и по которымъ донынѣ, стихи сочиняя, поступаютъ. И такъ, начинаю оное вамъ, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляя, на какихъ я основаніяхъ оныя утверждаю.

Первое и главнѣйшее мнѣ кажется быть сіе: россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, изъ другихъ языковъ не вносить.

Второе: чѣмъ россійскій языкъ изобиленъ и что въ немъ къ версификаціи угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой нибудь рѣчи, или на небреженіе въ оной находящихся стихотворцевъ, не отнимать; но какъ собственное и природное употреблять надлежитъ.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего не угоднаго не ввести, а хорошаго не оставить, надобно смотрѣть, кому и въ чемъ лучше послѣдовать.

На сихъ трехъ основаніяхъ утверждаю я слѣдующія правила:

Первое: въ россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила [1]), а прочіе всѣ коротки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ. Того ради совсѣмъ худо и свойству славенскаго языка, который съ нынѣшнимъ нашимъ не много разнится, противно училъ Смотрицкій [2]), когда онъ е, о, за короткія, а, і, ѵ,

---

[1]) Т. е. удареніе.

[2]) Мелетій Смотрицкій, авторъ одной изъ древнѣйшихъ славяно-русскихъ грамматикъ XVII ст.

за общія, и, ѣ, ѡ, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что передъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ. Его, какъ изъ перваго параграфа его просодіи видно, обманула Матѳеа Стриковскаго „Сарматская Хронологія", или онъ, можетъ быть, на сихъ Овидіевыхъ стихахъ [1]) утверждался:

de Ponto Lib. IV. Eleg. 13.
Ab pudet, et Cetico scripsi sermone bibellum,
Structaque sunt mostris barbara verba modis,
Et placui, gratare mibi, coepique poëtae
Inter inbumanos nómen habere Cetas.

Ежели Овидій, будучи въ ссылкѣ въ Томахъ, стариннымъ славенскимъ, или болгарскимъ, или сарматскимъ языкомъ стихи на латинскую стать писалъ, то откуду славенскія грамматики автору на умъ пришло — долгость и краткость слоговъ совсѣмъ греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидій въ своихъ стихахъ, по обыкновенію латинскихъ стихотворцевъ, стопы, и, сколько изъ сего гексаметра:

Materiam quaeris? de Cesare dixi,

заключить можно, двоесложныя и троесложныя въ героическомъ своемъ поэматѣ употреблялъ, однако толь высокаго разума піита, не надѣюсь, что такъ погрѣшилъ, чтобы ему долгость и краткость слоговъ, латинскому, или греческому языку свойственную, въ оные стихи ввести, которые онъ на чужомъ и весьма особливомъ языкѣ писалъ. И ежели древній оный языкъ отъ нынѣшняго нашего не очень былъ различенъ, то употреблялъ остроумный тотъ стихотворецъ въ стихахъ своихъ не иные, какъ только тѣ, за долгіе слоги, на которыхъ акцентъ стоитъ, а прочіе всѣ за краткіе. Слѣдовательно гексаметры, употребляя вмѣсто спондеевъ для ихъ малости хореи, тѣмъ же образомъ писалъ, которымъ слѣдующіе россійскіе сочинены:

[1]) *Римскій поэтъ*, авторъ „Посланія съ понта".

Щастлива красна была весна, все лѣто пріятно.
Только мутился песокъ, лишь бѣлая пѣна кипѣла.

А пентаметры:

Какъ обличаешь, смотри больше свои на дѣла,
Ходишь съ кѣмъ всегда, бойся того подопнуть.

А не такъ какъ славянскія грамматики авторъ:

Сарматски новорастныя музы стопу перву
Тщащуюся Парнасъ въ обитель вѣчну заяти,
Христе Царю пріими, и благоволивъ тебѣ съ Отцомъ и проч.

Сіи стихи коль славенскаго языка свойству противны, всякъ видѣть можетъ, кто оный разумѣетъ. Однако не могу я и оныхъ симъ предпочитать, въ которыхъ всѣ односложныя слова долгія почитаются. Причина сего всякому россіянину извѣстна. Кто будетъ протягивать единосложные союзы и многіе во многихъ случаяхъ предлоги? Самыя имена, мѣстоименія и нарѣчія, стоя при другихъ словахъ, свою силу теряютъ. Напримѣръ: за сто лѣтъ; подъ мостъ упалъ; реветъ какъ левъ; что ты знаешь? По оному королларію, въ которомъ сіе правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя бывъ гексаметрами, въ истые и изрядные, изъ анапестовъ и хореевъ состоящіе, пентаметры попали, напримѣръ:

Невозможно сердцу, ахъ! не имѣть печали.

По моему мнѣнію, наши единосложныя слова, иныя всегда долги, какъ: Богъ, храмъ, святъ, иныя кратки, напримѣръ союзы: же, да, и; а иныя иногда кратки, иногда долги; напримѣръ: на морѣ, по году, на волю, по горѣ.

Второе правило: во всѣхъ россійскихъ правильныхъ стихахъ, долгихъ и короткихъ, надлежитъ нашему языку свойственныя стопы, опредѣленнымъ числомъ и порядкомъ учрежденныя, употреблять. Оныя каковы быть должны, свойство въ нашемъ языкѣ находящихся словъ оному учитъ. Доброхотная природа какъ во всемъ, такъ и въ оныхъ, довольное Россіи дала изобиліе. Въ сокровищѣ нашего языка имѣемъ

мы долгихъ и краткихъ реченій неисчерпаемое богатство; такъ что въ наши стихи безъ всякія нужды двоесложныя и троесложныя стопы внести, и въ томъ грекамъ, римлянамъ, нѣмцамъ, и другимъ народамъ, въ версификаціи правильно поступающимъ, послѣдовать можемъ. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и всѣ другіе стихи, съ одной стороны, такъ запереть, чтобы они ни больше, ни меньше опредѣленнаго числа слоговъ не имѣли, а съ другой такую волю дать, чтобы вмѣсто хорея свободно было положить ямба, пиррихія и спондея, а слѣдовательно, и всякую прозу стихомъ называть, какъ только развѣ послѣдуя на риѳмы кончащимся польскимъ и французскимъ строчкамъ? Неосновательное оное употребленіе, которое въ московскія школы изъ Польши принесено, никакого нашему стихосложенію закона и правилъ дать не можетъ. Какъ онымъ стихамъ послѣдовать, о которыхъ правильномъ порядкѣ тѣхъ же творцы не радѣютъ? Французы, которые во всемъ хотятъ натурально поступать, однако почти всегда противно своему намѣренію чинятъ, намъ въ томъ, что до стопъ надлежитъ, примѣромъ быть не могутъ, понеже надѣяся на свою фантазію, а не на правила, толь криво и косо въ своихъ стихахъ слова склеиваютъ, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они также, какъ и нѣмцы, могли бы стопы употреблять, что̀ сама природа иногда имъ въ ротъ кладетъ, какъ видно въ первой строфѣ оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинилъ:

Quelle docte et sainte ivresse,
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse ets. [1]).

однако нѣжные тѣ господа, на то не смотря, почти однѣми риѳмами себя довольствуютъ. Пристойнымъ весьма символомъ французскую поэзію нѣкто изобразилъ, представивъ оную на театрѣ подъ видомъ нѣкоторыя женщины, что́, сугорбившись

---

[1]) *Буало Депрео*—французскій писатель, законодатель стиля.

и раскарячившись, при музыкѣ играющаго на скрыпицѣ Сатира, танцуетъ. Я не могу довольно о томъ порадоваться, что россiйскiй нашъ языкъ не токмо бодростiю и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ; но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацiю имѣть можетъ. Сiе толь долго пренебреженное счастiе чтобы совсѣмъ въ забвенiи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять, и отъ тѣхъ, какъ въ вышеозначенныхъ трехъ языкахъ обыкновенно, онымъ имена дать:

Первый родъ стиховъ называю *ямбическимъ*, который изъ однихъ только ямбовъ состоитъ:

Бѣлѣетъ будто снѣгъ лицомъ.

Второй — *анапестическимъ*, въ которомъ только одни анапесты находятся:

Начертанъ многократно въ бѣгущихъ волнахъ.

Третiй—изъ *ямбовъ* и *анапестовъ смѣшеннымъ*, въ которомъ по нуждѣ или произволенiю поставлены быть могутъ, какъ случится.

Во пищу себѣ червей хватать.

Четвертый—*хореическимъ*, что̀ одни хореи составляютъ:

Свѣтъ мой, знаю, что пылаетъ.

Мнѣ моя не служитъ доля.

Пятый — *дактилическимъ*, который изъ единыхъ только дактилей состоитъ:

Вьется кругами змiя по травѣ, обновившись въ разсѣлинѣ.

Шестой—изъ *хореевъ* и *дактилей смѣшенныхъ,* гдѣ по нуждѣ, или по изволенію ту и другую употреблять можно стопу:

Ежель боится, кто не сталъ бы силенъ безмѣрно.

Симъ образомъ расположивъ правильные наши стихи, нахожу шесть родовъ гексаметровъ, столько жъ родовъ пентаметровъ, тетраметровъ, триметровъ и диметровъ, а слѣдовательно, всѣхъ тридцать родовъ.

Неправильными и вольными стихами тѣ называю, въ которыхъ вмѣсто ямба или хорея можно пиррихія положить. Оные стихи употребляю я только въ пѣсняхъ, гдѣ всегда опредѣленное число слоговъ быть надлежитъ. Напримѣръ, въ семъ стихѣ, вмѣсто ямба, пиррихій положенъ:

Цвѣты румянецъ умножайте.

А здѣсь вмѣсто хорея:

Солнцева сестра забыла.

Хорея вмѣсто ямба, и ямба вмѣсто хорея въ вольныхъ стихахъ употребляю я очень рѣдко, да и то ради необходимыя нужды, или великія скорости: понеже они совсѣмъ другъ другу противны.

Что до *цезуры* надлежитъ, оную, какъ мнѣ видится, въ срединѣ правильныхъ нашихъ стиховъ употреблять и оставлять можно. Долженствуетъ ли она въ нашемъ гексаметрѣ для одного только отдыху быть неотмѣнно, то можетъ разсудить всякъ по своей силѣ. Тому въ своихъ стихахъ оную всегда оставить позволено, кто однимъ духомъ тринадцати слоговъ прочитать не можетъ. За наилучшіе, велеколѣпнѣйшіе, и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скорость и тихость дѣйствія и состоянія всякаго пристрастія изобразить наиспособнѣйшіе, оные стихи почитаю, которые изъ *анапестовъ* и хореевъ состоятъ.

Чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять, однако поднимаяся тихо въ верхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ. Оныхъ нигдѣ не можно лучше употреблять, какъ въ торжественныхъ одахъ, что̀ я въ своей нынѣшней и учинилъ. Очень также способны и падающіе, или изъ хореевъ и дактилевъ составленные, стихи, къ изображенію крѣпкихъ и слабыхъ аффектовъ, скорыхъ и тихихъ дѣйствій, быть видятся. Примѣръ скораго и яраго дѣйствія:

Бревна катайте наверхъ, каменья и горы валите, лѣсъ бросайте живучій выжавъ духъ, задавите.

Протчіе роды стиховъ, разсуждая состояніе и важность матеріи, также очень пристойно употреблять можно, о чемъ подробно упоминать для краткости времени оставляю.

Третіе: Россійскіе стихи красно и свойственно на ***мужскія, женскія и три литеры гласныя въ себѣ имѣющія риѳмы,*** подобныя италіанскимъ, могутъ кончиться. Хотя до сего времени только однѣ женскія риѳмы въ россійскихъ стихахъ употребляемы были, а мужскія, и отъ третьяго слога начинающіяся, заказаны; однако сей заказъ толь праведенъ и нашей версификаціи такъ свойственъ и природенъ, какъ ежели бы кто обѣими ногами здоровому человѣку всегда на одной скакать велѣлъ. Оное правило начало свое имѣетъ, какъ видно, въ Польшѣ, откуда пришедъ въ Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновенію такъ мало можно послѣдовать, какъ самимъ польскимъ риѳмамъ, которыя не могутъ иными быть, какъ только женскими: понеже всѣ польскія слова, выключая нѣкоторыя односложныя, силу на предкончаемомъ слогѣ имѣютъ. Въ нашемъ языкѣ толь же довольно на послѣднемъ и третьемъ, коль на предкончаемомъ слогѣ силу имѣющихъ словъ находится: то для чего намъ оное богатство пренебрегать, безъ всякія причины самовольную нищету терпѣть и только однѣми женскими побрякивать, а мужескихъ бодрость и силу тригласныхъ устремленіе и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу,

для чего бы мужескія риѳмы толь смѣшны и подлы были, чтобы ихъ только въ комическомъ и сатирическомъ стихѣ, да и то еще рѣдко, употреблять можно было? И чѣмъ бы святѣе сіи женскія риѳмы: *красовуляхъ—ходуляхъ*, слѣдующихъ мужескихъ: *востокъ—высокъ*, были? По моему мнѣнію, подлость риѳмовъ не въ томъ состоитъ, что онѣ больше или меньше слоговъ имѣютъ; но что оныхъ слова подлое или простое что значатъ.

Четвертое: Россійскіе стихи также кстати красно и свойственно сочетоваться могутъ, какъ нѣмецкіе. Понеже мы мужескія, женскія и тригласныя риѳмы имѣть можемъ; то услаждающая всегда человѣческія чувства перемѣна оныя межъ собою перемѣшивать пристойно велитъ; что̀ я почти во всѣхъ моихъ стихахъ чинилъ. Подлинно, что всякому, кто однѣ женскія риѳмы употребляетъ, сочетаніе и перемѣшка стиховъ странны кажутся; однако ежели бы онъ къ сему только примѣнился, то скоро бы увидѣлъ, что оное толь же пріятно и красно, коль въ другихъ европейскихъ языкахъ. Никогда бы мужеская риѳма передъ женскою не показалася, какъ дряхлый, черный и девяносто лѣтъ старый арапъ, передъ наипоклоняемою, наинѣжною и самымъ цвѣтомъ младости сіяющею европейскою красавицею.

Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ моихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія. Тетраметры изъ анапестовъ и ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный встокъ;
Глаза кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ Сѣверъ въ бокъ;
Господство даетъ своему побѣдителю
Пресильныхъ водъ морскихъ возбудителю,
Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
Являетъ полность силы своей,
Что южной страной владѣетъ всей.
Індійски быстро острова проходитъ.

Вольные встающіе тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя.
Хоть я не самъ тоя причина,
Люблю Мартилу, какъ себя.

Вольные падающіе тетраметры:

Нимфы околъ насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренней любви
Веселяся привѣчали
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе триметры:

Весна тепло ведетъ,
Пріятный западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ ледъ,
Грусть забавы бьетъ.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважнымъ симъ моимъ письмомъ вамъ очень долго не наскучить, съ покорнымъ прошеніемъ заключаю. Ваше великодушіе, ежели мои предложенныя о *россійской версификаціи мнѣнія* нашему языку несвойственны и непристойны, меня извинить. Не съ инымъ коимъ намѣреніемъ, я сіе учинить дерзнулъ, какъ только, чтобы оныхъ благосклонное исправленіе, или безпристрастное подкрѣпленіе, для большаго въ поэзіи поощренія, отъ васъ получить: чего несомнѣнно надѣясь, остаюсь

Почтеннѣйшіе господа!

Вашъ покорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовъ.

18) ПРИБАВЛЕНІЕ

къ статьѣ: „Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, Мая 26-го дня 1761 г.“

Сіе рѣдко случающееся явленіе требуетъ двоякаго объясненія. Первымъ должно отводить отъ людей, непросвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ, всякія неосновательныя сомнительства и страхи, кои бываютъ иногда причиною нарушенія общему покою. Нерѣдко легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богадѣленки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе, ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ, презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе, за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ. Крестьянинъ смѣется астроному, какъ пустому верхогляду. Астрономъ чувствуетъ внутреннее увеселеніе, представляя въ умѣ, коль много своимъ его превышаетъ, человѣка, себѣ подобнаго сотвореннаго.

Второе изъясненіе простирается до людей грамотныхъ, до чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, если бы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ къ приращенію. Читая здѣсь о великой атмосферѣ около помянутой планеты, скажетъ кто: подумать де можно, что въ ней потому и пары восходятъ, сгущаются облака, падаютъ дожди, протекаютъ ручьи, собираются въ рѣки, рѣки втекаютъ въ моря, произрастаютъ вездѣ разныя прозябенія, ими питаются животныя.

И сіе де подобно Коперниковой [1]) системѣ: противно де закону. Отъ таковыхъ размышленій происходитъ подобный споръ о движеніи и о стояніи земли. Богословы западныя церкви принимаютъ слова Іисуса Навина, гл. 10 стихъ 24, въ точномъ грамматическомъ разумѣ и потому хотятъ доказать, что земля стоитъ. Но сей споръ имѣетъ начало свое отъ идолопоклонническихъ, а не отъ православныхъ учителей. Древніе астрономы, еще за долго до Рождества Христова, Никита Сиракузянецъ призналъ дневное земли около своей оси обращеніе, Филолай — годовое около солнца. Сто лѣтъ послѣ того Аристархъ Самійскій показалъ солнечную систему яснѣе. Однако еллинскіе жрецы и суевѣры тому противились, и правду на много вѣковъ погасили. Первый Клеантъ нѣкто доносилъ на Аристарха, что онъ, по своей системѣ о движеніи земли, дерзнулъ подвигнуть съ мѣста великую богиню Весту, всея земли содержательницу, дерзнулъ безпрестанно вертѣть Нептуна, Плутона, Цереру, всѣхъ нимфъ, боговъ лѣсныхъ и домашнихъ по всей земли. И такъ идолопоклонническое суевѣріе держало астрономическую землю въ своихъ челюстяхъ, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дѣло и Божіе повелѣніе всегда исполняла. Между тѣмъ астрономы принуждены были выдумывать для изъясненія небесныхъ явленій глупые и съ механикою и геометріею прекословящіе пути планетамъ, циклы и епициклы (круги и вобочные круги) [2]).

---

[1]) Основатель нынѣшней астрономіи, жившій 1473—1543; ему принадлежитъ честь открытія закона объ обращеніи земли и прочихъ планетъ вокругъ солнца.

[2]) Жаль, что тогда не было такихъ остроумныхъ поваровъ, какъ слѣдующій:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару;
Одинъ твердилъ: земля, вертясь, кругъ солнца ходитъ,
Другой, — что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ; другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.

Коперникъ возобновилъ наконецъ солнечную систему, коя имя его нынѣ носитъ; показалъ преславное употребленіе ся въ астрономіи, которое послѣ Кеплеръ, Невтонъ и другіе великіе математики и астрономы довели до такой точности, какую нынѣ видимъ въ предсказаніи небесныхъ явленій, чего по земностоятельной системѣ достигнуть невозможно.

Несказанная премудрость дѣлъ Божіихъ хотя изъ размышленія о всѣхъ тваряхъ явствуетъ, къ чему предводительствуетъ физическое ученіе; но величества и могущества его понятіе больше всѣхъ подаетъ астрономія, показывая порядокъ теченія свѣтилъ небесныхъ. Воображаемъ себѣ тѣмъ явственнѣе Создателя, чѣмъ точнѣе сходствуютъ наблюденія съ нашими предсказаніями, и чѣмъ больше постигаемъ новыхъ откровеній, тѣмъ громчае Его прославляемъ. – Священное писаніе не должно вездѣ разумѣть грамматическимъ, но не рѣдко и риторскимъ разумомъ. Примѣръ подаетъ Святый Василій Великій, какъ оное съ натурою согласуетъ, и въ бесѣдахъ своихъ на „Шестодневникъ" [1]) ясно показываетъ, какимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ библейскія слова толковать должно. Бесѣдуя о землѣ, обще пишетъ: „Аще когда во псалмѣхъ услышити: Азъ утвердихъ столпы ея,— содержательную тоя силу столпы речени быти возмни" (бесѣда I). Разсуждая слова и повелѣнія Божія въ міросозданіи: „*и рече Богъ*" и другія, слѣдующее объявляетъ: „Кая потреба слова могущимъ отъ самаго ума общити другъ другу совѣты" (бесѣда 2), явно изъявляя, что слова Божескія не требуютъ ни устъ, ни ушей, ни воздуха къ сообщенію взаим-

---

Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такого,
Который бы вертѣлъ очагъ вокругъ жаркого?

[1]) Сочиненіе Іоанна Экзарха Болгарскаго, въ которое вошли бесѣды Василія Великаго.

*

ному своего благоволенія, но ума силою разглагольствуютъ. И въ иномъ мѣстѣ (бесѣда 3), тожъ о изъясненіи таковыхъ мѣстъ подтверждаетъ: „Въ проклятствѣ Израилю, будетъ тебѣ, глаголетъ, небо мѣдяно. Что сіе глаголетъ? Всеконечную сухость и оскудѣніе воздушныхъ водъ". Упоминающіяся часто въ библіи Божіи чувства, толкуя, такъ пишетъ: „И видѣ Богъ яко добро: не само тое утѣшенпое нѣкое зрѣніе моря слово показуетъ Богу явити. Не очимо бо зритъ доброты зданія Творецъ; но неизглаголаннаго премудростію видитъ бывающая". Не довольно ли здѣсь великій и святый сей мужъ показалъ, что изъясненіе священныхъ книгъ не токмо позволено, да еще и нужно, гдѣ ради метафорическихъ выраженій съ натурою кажется быть не сходственно.

Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя, никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклепнетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междуусобія, какъ учинилъ вышереченный премудрый учитель нашея православныя церкви. Которому согласуясь, Дамаскинъ Святый, глубокомысленный богословъ и высокій священный стихотворецъ (въ опасномъ изданіи православныя вѣры, кн. 2, гл. 6.); ибо, упомянувъ разныя мнѣнія о строеніи міра, сказалъ: „Обаче аще же тако, аще же инако; вся Божіимъ повелѣніемъ быша же и утвердишася", то есть физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны. Тоже и въ слѣдующихъ утверждаетъ: „Есть убо небо небесе, первое небо повыше тверди суще. Се два неба: и твердь бо назва Богъ небо. Обычно же священному писанію и воздухъ небомъ звати, за еже зрѣтися горѣ. Благословите бо, глаголетъ, вся птицы небесныя, воздушныя глаголя, воздухъ бо летательныхъ есть путь, а не небо. Се три небеса, яже божественный рече апостолъ. Аще же и седьмь поясы, седьмь небеса приняти восхощети,

ничто же слову истины враждаетъ", то есть, хотя кто и древнія еллинскія мнѣнія о седьми небесахъ приметъ, священному писанію и Павлову сказанію не вредно.

Василій Великій, о возможности многихъ міровъ разсуждая, пишетъ: „Яко бо скудельникъ отъ того же художества тминные создавъ сосуды, ниже художество, ниже силу изнури, тако и всего сего содѣтель не единому міру соумѣренную имѣя творительную силу, но на безконечногубое превосходящую мановеніемъ хотѣнія единемъ военже быти приведе величества видимыхъ".

Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались: соединяя его снисканіе съ богодухновенными размышленіями въ однѣхъ книгахъ, по мѣрѣ тогдашняго знанія въ астрономіи. О, если бы тогда были изобрѣтены нынѣшнія астрономическія орудія и были бы учинены многочисленныя наблюденія отъ мужей, древнихъ астрономовъ знаніемъ небесныхъ тѣлъ несравненно превосходящихъ; если бы тогда открыты были тысящи новыхъ звѣздъ съ новыми явленіями, — какимъ бы духовнымъ пареніемъ, соединеннымъ съ превосходнымъ ихъ краснорѣчіемъ, проповѣдали оные святые риторы величество, премудрость и могущество Божіе!

Нѣкоторые спрашиваютъ: ежели де на планетахъ есть живущіе намъ подобные люди, то какой они вѣры? Проповѣдано ли имъ Евангеліе? Крещены ли они въ вѣру Христову? Симъ дается отвѣтъ вопросный. Въ южныхъ великихъ земляхъ, коихъ берега въ нынѣшнія времена почти только примѣчены мореплавателями, тамошніе жители, также и въ другихъ невѣдомыхъ земляхъ обитатели, люди видомъ, языкомъ и всѣми поведеніями отъ насъ отмѣнные, какой вѣры? И кто имъ проповѣдалъ Евангеліе? Ежели кто про то знать, или ихъ обратить, или крестить хочетъ, тотъ пусть по Евангельскому слову („Не стяжите ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни пиры на пути, ни двоѣ ризу, ни сапогъ, ни жезла") туда пойдетъ. И такъ свою проповѣдь окончитъ,

то послѣ пусть поѣдетъ для того-жъ и на Венеру. Только бы трудъ его былъ напрасенъ. Можетъ быть, тамошніе люди въ Адамѣ не согрѣшили; и для того всѣхъ изъ того слѣдствій не надобно. „Многи пути ко спасенію. Многіе обители суть на небесѣхъ". При всемъ семъ христіанская вѣра стоитъ непреложна. Она Божіему творенію не можетъ быть противна, ниже ей Божіе твореніе; развѣ тѣмъ чинится противность, кои въ твореніи Божія не вникаютъ.

Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой—свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ, въ натуру вліянныхъ, дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по Псалтырѣ научиться можно астрономіи или химіи. Толкователи и проповѣдники священнаго писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе правильнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изъискиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ всѣвать между ими плевелы и раздоры.

Сколько разсужденіе и вниманіе натуральныхъ вещей утверждаетъ въ вѣрѣ, слѣдуютъ тому примѣры не токмо изъ еллинскихъ стихотворцевъ, но и изъ великихъ христіанскихъ первыхъ учителей.

Клавдіанъ о паденіи Руфиновѣ [1]) объявляетъ, коль много служитъ вниманіе къ натурѣ, для познанія Божества:

Я долго размышлялъ и долго былъ въ сомнѣньѣ,
Что есть ли на землю отъ высоты смотрѣнье,
Или по слѣпотѣ безъ ряду все течетъ
И промыслу съ небесъ во всей вселенной нѣтъ?
Однако, посмотрѣвъ свѣтилъ небесныхъ стройность,
Земли, морей и рѣкъ доброту и пристойность,
Премѣну дней, ночей, явленія луны,
Призналъ, что Божеской мы силой созданы.

Больше не остается, какъ только коротко сказать и повторить, что знаніе натуры, какое бы оно имя не имѣло, Христіанскому закону не противно; и кто натуру изслѣдовать тщится, Бога знаетъ и почитаетъ, тотъ съ Василіемъ Великимъ согласится, коего словами сіе заключается (бесѣда 6 о бытіи свѣтилъ). „Аще симъ научимся себѣ самыя познаемъ, Бога познаемъ, Создавшему поклонимся, Владычицѣ поработаемъ, Отца прославимъ, Питателя нашего возлюбимъ, Благодѣтеля почтимъ, Началовожду жизни нашея насущія и будущія поклоняющеся не престанемъ“.

19) ПИСЬМА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

I.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Милостивое Вашего Превосходительства меня письмомъ напоминовеніе увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ Вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Вы-

---

[1]) Клавдіанъ, римскій поэтъ, жившій въ царствованіе Өеодосія, описалъ паденіе Руфима, бывшаго министромъ этого императора.

сочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, которую я Вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла. Не примите Ваше Превосходительство мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спаскихъ школахъ[1]), имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны не сказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ[2]) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санктпетербургъ и посланъ за море и жалованіе получалъ противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ наукъ не отвратило: но по пропорціи своей умножило охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которыя мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависимости

---

[1]) Въ Москвѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ.

[2]) Три коп. ассигн.

толкують, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны и помнили бъ, что музы... кого хотятъ того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, которой жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго Лорда, Боила, которой всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, которой лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того Баронство; Слоана, въ Англіи, которой послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ штерлинговъ. По приказанію Вашему все исполнить не примину, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребывая

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга.
Маія 10 дня
1753 года.

II.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Полученное вчерашняго числа отъ 24 Маія письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливой Вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало; особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удостовѣреніе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ

отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ Ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти почти никакова знанія больше не присовокупили. Я напротивъ того (позвольте, милостивый государь, не ради тщеславія, но ради моего оправданія объявить истинну) имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спаскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей ея Императорскаго Величества милости совершенное довольство, Вашимъ отеческимъ представительствомъ, и трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольствіе и наконецъ уже не дѣтское несовершеннаго возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужествѣ дать себя посрамить передъ моимъ дѣтствомъ. Однако перестаю сими представленіями утруждать Вашу терпѣливость, вѣдая Ваши справедливыя мнѣнія. И ради того доношу Вашему Превосходительству о томъ, что похвальная Ваша къ наукамъ охота требуетъ. Во-первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, что изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ господиномъ Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ: первой, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой вер-

сты; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ я у своей громовой машины, 25 числа сего Апрѣля, что безъ грому и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась; а въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давною теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ господиномъ Профессоромъ Рихманомъ, онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь. Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то оная уже нарочито далече и въ концѣ Октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ, о ускореніи которой всячески просить и стараться буду, а писменнаго не присылаю, за тѣмъ, что Ваше Превосходительство требовать изволите по листу печатныхъ. О первомъ томѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменной изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось. Въ протчемъ удостовѣрясь многократно коль охотно слушаете Ваше Превосходительство разговоры о наукахъ, весьма жадно ожидаю радостнаго и пріятнаго съ вами свиданія, чтобы вы новыми моими стараніями удовольствіе имѣли, которыхъ всѣхъ въ отдаленіе сообщить не возможно. Въ домѣ Вашего Превосходительства обѣщанныхъ оптическихъ вещей

еще долго устроить не уповаю за тѣмъ, что еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Электрическіе шарики по вашему желанію пришлю вамъ не умедливъ какъ возможно. Я могу увѣрить Ваше Превосходительство, что въ мастеровыхъ людяхъ великая скудость: такъ, что я для дѣланія себѣ Електрической машины не токмо гдѣ индѣ, но и съ вашего двора столяра за деньги не могъ достать. И для того по сіе время вмѣсто земной машины, служатъ мнѣ иногда облака, къ которымъ я съ кровли шестъ выставилъ. Какіе Вашему Превосходительству инструменты потребны, о томъ прошу дать мнѣ позволеніе представить въ Канцелярію Академическую именемъ Вашимъ, для приказанія мастерамъ, за тѣмъ, что онѣ по шабашамъ долго протянутъ дѣло. Заключая сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга

Михайло Ломоносовъ.

Изъ Санктпетербурга
Маія 31 дня
1753 года.

III.

Милостивый Государь Иванъ Ивановичь!

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ тоже самое время. Сего Іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ Норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку Электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ Електрическихъ изъ про-

волоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ беспрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а при томъ и Электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной страсти, какъ силъ было много, пріѣхавъ, увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея мать таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на то лице, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшенной линеи съ ниткою пришолъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу: а вышла изъ него громовая Электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разорванъ, а не прозжонъ. Мы старались движеніе крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что Электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шестъ съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію,

исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 руб. Милостивой государь? исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше почитать нежели за свое. Между тѣмъ, чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Санктпетербургъ
26 Іюля 1753 года.

Матеріалы для изученія писателя.

Значеніе Ломоносова въ изящной словесности.

А. В. Никитенка.

Люди всѣхъ временъ и всѣхъ странъ въ изящномъ видѣли отраженіе и образъ лучшихъ своихъ идей.

Извѣстно, что нѣтъ такого общественнаго состоянія, которое бы тѣмъ или другимъ образомъ не отзывалось въ литературѣ, и нѣтъ такой литературы, какъ бы она ни казалась недостаточною, которая бы не нужна была обществу и не имѣла на него болѣе или менѣе значительнаго вліянія. Зна-

комиться съ какою-нибудь литературою или съ состояніемъ ея въ извѣстный періодъ времени не значитъ только искать въ произведеніяхъ ея безусловнаго достоинства, или оригинальныхъ красотъ, а значитъ понимать судьбу и характеръ ея, вмѣстѣ съ духомъ вѣка, и людей, потому что ходъ человѣческаго развитія самъ по себѣ на всякой степени, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ составляетъ высшее значеніе и первостепенный интересъ для разума. Новой литературѣ точно такъ же слѣдовало возникнуть въ нашемъ обществѣ изъ реформы Петра, какъ надлежало возникнуть новымъ понятіямъ, стремленіямъ, нравамъ, обычаямъ, и если ни одинъ изъ элементовъ вначалѣ не носилъ на себѣ печати зрѣлости и самобытности, то откуда литература могла ихъ почерпнуть. Главное, чему необходимо надлежало въ ней совершиться, что̀ совершилось, и безъ чего она представляла бы одинъ хаосъ мыслей и языка, это усвоеніе себѣ опредѣленнаго направленія по европейскимъ началамъ, которыми прониклась общественная жизнь. Обозначая собою логическій процессъ нашей послѣ-петровской исторіи, она должна была начаться такимъ образомъ, пройти последовательными стадіями до тѣхъ пунктовъ, гдѣ неизбѣжная встрѣча ея съ коренными потребностями и интересами, съ національнымъ духомъ, должна была, наконецъ, поставить ее на пути къ своеобразному и самостоятельному развитію. Напрасно стали бы обвинять ее въ томъ, что понятіе и отвлеченный принципъ преобладали въ ней надъ творчествомъ, техника и форма надъ содержаніемъ, что художественная стихія не принята ею изъ движенія національныхъ внутреннихъ силъ, а была заимствована. Обвинять мы имѣемъ право только то, что бываетъ, могши и не быть, что является вслѣдствіе незаконнаго произвола, или то, что усиливается простирать свои притязанія за предѣлы мѣста, указаннаго ему исторіей. Переходныя состоянія кажутся намъ всегда чѣмъ-то лишеннымъ собственнаго цвѣта и характера, чѣмъ-то безплоднымъ, не болѣе какъ обреченною жертвою будущаго. Состояніе, въ которомъ одинъ фазисъ жизни оканчивается, чтобы дать мѣсто

другому, дѣйствительно есть состояніе необыкновенное. Въ немъ какъ будто ступаютъ по обломкамъ разрушившагося зданія, спѣша къ новому, котораго еще нѣтъ. И однакожъ чрезвычайное движеніе силъ и вещей, отличающее переходныя состоянія, стремленіе къ задачамъ еще невыясненнымъ, но неизбѣжность коихъ глубоко чувствуется, самая нетерпѣливость, съ какою онѣ преслѣдуются, надежды въ нихъ сосредоточенныя, все это доказываетъ могучую живучесть среды, гдѣ оно совершается, доказываетъ, что у ней есть вѣра въ лучшее, есть будущность. Наша литература произвела Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Пушкина и Гоголя. Заимствованныя направленіе и формы съ ними постепенно теряли свой стѣсняющій, отвлеченный характеръ и превращались въ орудіе нашихъ развивающихся самостоятельныхъ силъ и художественнаго духа. Но, чтобы прійти къ такимъ результатамъ, надлежало предварительно сдѣлать то, что сдѣлано въ литературѣ Ломоносовымъ. Какимъ же образомъ могъ быть совершенъ такой художественный подвигъ лицомъ, имѣвшимъ, повидимому, призваніе исключительно ученое? Могутъ ли допустить совмѣщеніе подобныхъ направленій тѣ слишкомъ строгіе специалисты, которые, размежевывая, по своимъ идеямъ или по недостаточнымъ наблюденіямъ, царства природы и духа на удѣлы, думаютъ, что и въ дѣйствительности все такъ есть и должно быть, какъ они раздѣлили, подраздѣлили и опредѣлили, и что кто устроился и обзавелся учеными снарядами въ одномъ изъ этихъ участковъ, тому нѣтъ уже никакого дѣла до другихъ? Силы природы и духа, въ своемъ движеніи, дѣйствительно расходятся на безконечныя, удаляющіяся другъ отъ друга разности въ своихъ низшихъ сферахъ,—и конечно никто не станетъ оспаривать необходимости и важности проистекающихъ отсюда отдѣльныхъ изслѣдованій и изученій. Но есть высшія сферы, куда проникаетъ знаніе, гдѣ тѣ же силы природы и духа спѣшатъ, такъ сказать, сойтись у одного центра жизни, гдѣ онѣ являются въ тѣсной родственной связи общихъ причинъ и общихъ законовъ, и гдѣ умъ мысля-

щій, преслѣдуя одну идею, не можетъ не видѣть и не чувствовать присутствія другой въ ихъ естественномъ, прекрасномъ сочетаніи. Такъ знаніе, отъ низшихъ его ступеней перешедшее къ высшей, не только не чуждается на сей послѣдней художественнаго воззрѣнія на вещи, но привлекаетъ его къ себѣ, и само имъ привлекается. И не въ наукѣ ли для тѣхъ, которыхъ занимаетъ не одна буква ея, лежитъ основаніе всѣхъ великихъ стремленій, всѣхъ великихъ вѣрованій человѣчества—истиннаго и вмѣстѣ прекраснаго? Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему всѣ высшіе умы науки сочувствовали глубоко красотамъ поэзіи; они ясно сознавали, что художественное творчество въ тѣхъ же откровеніяхъ природы и сердца человѣческаго, въ одномъ и томъ же источникѣ истины ищетъ своихъ вдохновеній и стихій для своихъ прекрасныхъ созданій, какъ и ихъ строгая мудрость своихъ удостовѣреній. Ломоносовъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ умамъ, которые, съ чуткою проницательностью въ наблюденіи явленій и подробностей, соединяютъ обширные виды въ наукѣ, которые въ одинаковой степени владѣютъ индуктивнымъ и дедуктивнымъ способомъ познаванія и вмѣстѣ съ тѣмъ только геніальнымъ дѣятелямъ свойственнымъ даромъ постиженія нерѣдко исторгаютъ у природы и жизни тайны, недоступныя никакимъ домогательствамъ умовъ рутины и ученаго формализма.

Первые проблески художественной натуры видны уже въ дѣтскихъ порывахъ и наклонностяхъ Ломоносова. За псалтырью Симеона Полоцкаго, въ пѣніи священныхъ гимновъ на клиросѣ приходской церкви,—въ этихъ занятіяхъ, къ которымъ влекла его собственная любовь и желаніе, а не чья-нибудь посторонняя воля, ему, безъ сомнѣнія, въ неясныхъ, смутныхъ чертахъ инстинктивно представлялись уже и высшія цѣли жизни, и что-то прекрасное вдали, и отроческое его сердце наполнялось предчувствіемъ благодатнаго наитія поэзіи. Подобныя нравственныя явленія могли бы показаться невозможными въ средѣ, гдѣ родился и проводилъ свое дѣтство Ломоносовъ, если бы

мы не знали, что великимъ силамъ духа дается много такого, что непримѣнимо къ людямъ обыкновеннымъ, и что геній не отъ чуждыхъ внушеній и вліяній получаетъ право и полномочіе для дѣлъ своей идеи, а отъ колыбели носитъ ихъ въ самомъ себѣ. Оттого въ душахъ людей, подобныхъ Ломоносову, все получаетъ особенный характеръ и смыслъ. Что для другихъ бываетъ дѣломъ одного внѣшняго долга, простого любопытства или привычки и исчезаетъ въ ихъ понятіи безслѣдно и безплодно, то у нихъ является задаткомъ ихъ чрезвычайной будущности и идетъ къ одному общему средоточію ихъ исключительныхъ влеченій и призванія. Художественное настроеніе, пробудившееся въ раннемъ возрастѣ Ломоносова, осталось съ нимъ неразлучнымъ въ теченіе всей его ученой и умственной дѣятельности, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ свойствъ его генія. Непреодолимое внутреннее влеченіе къ чему-то высшему, нежели труды рыбака и женитьба въ деревнѣ, жажда знанія и впечатлѣній, ожидаемыхъ въ другой лучшей средѣ, увлекли его въ стѣны московскаго Заиконоспасскаго училища; тамъ представилась ему столь нетерпѣливо имъ желаемая наука, но наука во всей непривлекательности своего схоластическаго формализма, слѣдовательно способная скорѣе погасить всякое эстетическое чувство, чѣмъ поощрить его и развить. За границу онъ былъ посланъ съ весьма спеціальною цѣлью обучаться металлургіи и, разумѣется, тѣмъ наукамъ, при содѣйствіи коихъ она сама могла быть наукою. Жребій, казалось, былъ брошенъ. Ломоносовъ долженъ сдѣлаться ученымъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ и довольно тѣсномъ смыслѣ слова, и при достаточныхъ способностяхъ, необходимыхъ хорошему спеціалисту и технику, положить основаніе въ Россіи одной полезной отрасли знанія и, можетъ быть, остаться практическимъ дѣятелемъ по какой-нибудь технической части. Онъ дѣйствительно трудился на назначенномъ для него поприщѣ съ блистательнымъ успѣхомъ не только потому, что былъ одаренъ великими способностями, но и потому, что вездѣ въ состояніи былъ открывать высшій интересъ мысли и

знанія. Философія, математика, физика, химія—въ Марбургѣ, труды надъ разработкою металловъ—въ Фрейбергѣ не только открываютъ ему строгія научныя данныя и пріемы, но и указываютъ на задачи, которыя онъ самъ будетъ рѣшать съ знаменитыми учеными Европы. Всего этого, однако, было для него не довольно. Его художественные инстинкты стремились выразиться соотвѣтственнымъ себѣ образомъ, и притомъ не въ одномъ сочувствіи къ красотамъ доступныхъ ему чуждыхъ литературъ, но и въ покушеніи создать что-либо подобное для своего отечества. Онъ изощрялъ свои производительныя силы на образцахъ этихъ литературъ, стараясь изучить ихъ основательно. Изъ донесенія о книгахъ, купленныхъ на счетъ правительства, мы видимъ, что его занимали не одни сочиненія ученаго содержанія, но также творенія великихъ поэтовъ и сочиненія, къ теоріи словесности относящіяся. Весьма важнымъ затрудненіемъ для Ломоносова въ его художественныхъ, поэтическихъ опытахъ былъ языкъ. Въ замкнутыхъ хранилищахъ духа и состава народнаго языка таились великія силы; но всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ высшими или отвлеченными понятіями, считали его неспособнымъ для ихъ выраженія. Отдѣлясь отъ народа и положеніемъ своимъ, и схоластическимъ образованіемъ, никто изъ нихъ не въ состояніи былъ понять и оцѣнить ни выразительности народной рѣчи, ни лексикологическаго ея обилія и синтаксической гибкости, чтобы воспользоваться ими и примѣнить ихъ къ выраженію высшихъ идей. Изъ смѣси всевозможныхъ чуждыхъ словъ и оборотовъ, въ соединеніи съ формами церковно-славянскими, писатели до-Ломоносовскаго времени составили себѣ какой-то дикій и неудобопонятный языкъ, который былъ впрочемъ неизбѣжнымъ отпечаткомъ самаго смѣшенія и сбивчивости идей, не обработанныхъ и не утвержденныхъ живою наукою и художественнымъ чувствомъ. Ломоносовъ, конечно, не могъ быть удовлетворенъ этимъ языкомъ; онъ искалъ твердой опоры для выраженія своихъ мыслей и думалъ найти ее на освященной вѣками почвѣ церковно-славянскаго языка.

*

Его теорія вполнѣ согласовалась съ этимъ. Но здравое народное чувство, свѣтлый умъ и способность постигать то, что скрыто отъ преднамѣреннаго усилія другихъ,—постигать вопреки господству традицій и искушеніямъ школы, на дѣлѣ обратили его къ источникамъ, откуда принялъ онъ и силы духа, и помазаніе на свое высокое служеніе—къ источникамъ народности. Дѣйствуя въ высшихъ сферахъ науки и искусства для нравственнаго возвышенія и просвѣщенія своего народа, онъ чувствовалъ, что все, что изъ этихъ сферъ можетъ быть принято народомъ, можетъ быть принято и усвоено имъ не иначе, какъ въ звукахъ своей живой родной рѣчи. Положить этому начало значило совершить подвигъ, отъ котораго зависѣлъ благоуспѣшный ходъ науки и литературы въ Россіи. Совершить его однако было нелегко. Языкъ русскій сохранился чистымъ и неприкосновеннымъ отъ всякаго наплыва чуждыхъ элементовъ въ устахъ народныхъ массъ. Все же это былъ богатый, но сырой матеріалъ. Его нужно было воздѣлать, приходилось имѣть дѣло съ словами, никогда не переходившими предѣловъ житейской потребности мысли, простого естественнаго движенія чувства, съ оборотами рѣчи, единообразно сложившимися въ единообразномъ ходѣ и сочетаніи идей. И вотъ слово, съ которымъ въ теченіе вѣковъ привыкли сопрягать извѣстное значеніе только въ извѣстномъ кругу понятій, теперь должно было войти въ иной кругъ и тамъ, отъ другого же характера мысли, среди другихъ ея отношеній, не измѣняя своей породы и коренного значенія, получить, такъ сказать, во имя новаго своего положенія, новыя права, новый оттѣнокъ смысла, силу и выразительность. Съ тѣмъ вмѣстѣ и способность свободнаго построенія, природная діалектика русской рѣчи теперь должна была сойтись и уживаться съ многоразличными комбинаціями мысли, научной и художественно-литературной. Чтобы дѣломъ, употребленіемъ освятить и узаконить всѣ эти нововведенія, требовались смѣлая рѣшимость, точность и необыкновенная сила мышленія, знаніе духа языка и еще нѣчто, чего не даетъ самое знаніе—вѣрное чувство, геніальное чутье

истины и способовъ ея практическаго приложенія, именно все то, что мы находимъ въ Ломоносовѣ. Изъ коренныхъ стихій, заключающихся въ природѣ языка, подъ перомъ его образовались выраженія и обороты, отличные отъ тѣхъ, которые слышались въ устахъ народа, но не чуждые ему именно по самымъ этимъ стихіямъ. Это былъ языкъ, нѣкоторымъ образомъ, искусственный, потому что сложился не самъ собою, а съ помощью внѣшней образовательной силы, и въ то же время чистый русскій языкъ, потому что сложился изъ его собственныхъ матеріаловъ. Что вначалѣ могло быть въ немъ слишкомъ искусственнымъ по необходимости времени и не довольно гибкимъ, то могло легко, при дальнѣйшемъ самостоятельномъ умственномъ развитіи, уничтожиться и улучшиться, между тѣмъ какъ то, что установилось не вопреки законамъ и духу языка, должно было, развиваясь и совершенствуясь постепенно, дополнить общенародный языкъ изъ его же соковъ новымъ ростомъ и вѣтвями, вызванными потребностями науки и литературы. Языкъ стихотворный усвоиваетъ себѣ особенное ритмическое устройство, и Ломоносову, желавшему выразить свое художественное направленіе и въ этой формѣ, предстояло и для него найти элементы. Всего, повидимому, естественнѣе было обратиться для того къ мѣрной рѣчи нашей народной пѣсни и эпоса, и Ломоносову, по его отношеніямъ къ нашей народности, казалось бы, слѣдовало сдѣлать подобный шагъ. Но не должно забывать, что роль его была роль посредника между силами нашей народности и общечеловѣческими началами образованія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого неизбѣжнаго положенія было то, что онъ долженъ былъ во многомъ придерживаться основныхъ идей и образцовъ, представлявшихся ему у народовъ, далеко опередившихъ насъ на пути гражданственности, умственнаго и эстетическаго развитія и сдѣлавшихся учителями его и нашими. Надобно удивляться проницательности, съ какою онъ умѣлъ находить точки соприкосновенія или совпаденія между разнородными началами, подлежавшими такому сближенію. Нѣмецкое стихосложеніе

дало ему поводъ воспользоваться законами нашей тоники, чтобы дать стиху нашему нѣкоторое подобіе древняго метра, и что это не было насиліемъ языку, доказывается, что стихосложеніе Ломоносова быстро усвоилось нашей поэзіей и безпрекословно принято обществомъ. Правда, за нѣсколько лѣтъ до его опытовъ, основанія нашего новаго стихосложенія были найдены и изложены ученымъ, коего почтенные труды въ наукѣ должны бы давно искупить его тяжкія вины противъ поэзіи. Я разумѣю Тредьяковскаго. Но Ломоносовъ основался на другихъ соображеніяхъ и не на теоріи Тредьяковскаго, а главное, онъ создалъ то, о чемъ другой только помышлялъ, или что столь неудачно примѣнилъ къ дѣлу,—и достигъ этого не однимъ соблюденіемъ механизма и внѣшнихъ условій стихотворной рѣчи, а ея внутренней гармоніей, логическою стройностью, легкостью и красотою поэтической пластики. Въ первомъ стихотвореніи его—одѣ, переведенной изъ Фенелона, видно, какъ вначалѣ онъ боролся съ трудностями языка; но потомъ, какимъ побѣдителемъ надъ ними онъ является въ одѣ на *взятіе Хотина!* Въ послѣдующихъ произведеніяхъ языкъ его уже не затрудняетъ; имъ созданный, онъ, въ извѣстныхъ, на время установившихся предѣлахъ, послушно слѣдуетъ за теченіемъ и видоизмѣненіями его стройной и величавой мысли, въ прозѣ все болѣе и болѣе сглаживаясь въ своихъ шероховатостяхъ и освобождаясь отъ вліянія латинской конструкціи, въ стихотвореніяхъ возвышаясь до неукоризненной чистоты, поразительнаго благородства, блеска и сладкозвучія. Художественное стремленіе такимъ образомъ не стѣсняется уже въ своихъ проявленіяхъ, получаетъ опредѣленность, упрочивается, потому что имѣетъ уже свой органъ. Права его обозначены и утверждены въ фактѣ языка — это уже не теорія, не замыселъ—это дѣйствительность, и дѣйствительность не для одного своего виновника, но и для слѣдующихъ поколѣній. Оно становится ощутительнымъ у него вездѣ, потому что составляетъ одно изъ существенныхъ качествъ его натуры и преимущество той степени, какую онъ занимаетъ въ наукѣ. Если вы

обратите вниманіе на его трактаты, гдѣ разсматриваются важнѣйшіе вопросы современной науки, — о пользѣ химіи, о свѣтѣ, о воздушныхъ явленіяхъ и пр., даже на его письма и проекты о способахъ дать наукѣ въ Россіи большее развитіе, объ устройствѣ академіи, — если вы, говорю, обратите вниманіе на все это, вы будете изумлены не только вѣрностью взглядовъ, богатствомъ знанія, силою, строгою послѣдовательностью и ясностью его мыслей, но картинностью самаго точнаго изложенія, искусною группировкою подробностей предмета, въ которой истина, такъ сказать, отливается въ видимую, осязательную форму и ставится на пьедесталъ, какъ со всѣхъ сторонъ доконченная и отработанная цѣлость. Вы увидите здѣсь и мастера-мыслителя, и мастера-художника. И все это ново, неожиданно, оригинально, все возникло, такъ сказать, вдругъ, разомъ, не исключая научной техники и терминологіи. Кто со вниманіемъ читалъ хоть металлургію Ломоносова, особенно второе прибавленіе къ ней, тотъ убѣдится, конечно, что она и нынѣ можетъ служить образцомъ ученаго и вмѣстѣ изящнаго изложенія. Реторика его есть, по содержанію своему, настоящій продуктъ времени; она и пе могла быть у насъ иною, нежели какою была въ современныхъ Ломоносову школахъ Европы. Но ею проложенъ у насъ путь къ изученію одного изъ важнѣйшихъ явленій нравственнаго міра—къ изученію изящной словесности. Пока наша художественная дѣятельность не достигла степени самостоятельнаго творчества, она должна была подчиниться и подчинялась условіямъ, выработаннымъ и принятымъ образованными народами, съ которыми намъ предстояло трудиться для исторіи. Она должна была сперва устроиться на почвѣ существенной техники, чтобы перейти на почву техники новой, освобожденной отъ традицій, вполнѣ сообразной съ новымъ движеніемъ человѣческаго духа и успѣхами нашего собственнаго образованія. Ломоносовъ съ его художественною натурою, съ его вѣрнымъ взглядомъ на все, что представлялось его уму, не могъ не понимать, что однихъ правилъ недостаточно для знакомства

съ требованіями литературы; онъ наполнилъ свою реторику образцами и примѣрами, отчасти избранными и переведенными имъ изъ лучшихъ писателей, а отчасти имъ самимъ созданными, которые, въ началѣ нашего литературнаго образованія, служили для юношества единственною и лучшею у насъ хрестоматіей.

Разливая на всѣ высшія отправленія мысли прелесть эстетическаго одушевленія и жизни, образуя для нихъ языкъ, Ломоносовъ творцомъ нашей изящной словесности преимущественно является въ своихъ стихотвореніяхъ. Я остановлюсь исключительно на тѣхъ изъ его произведеній этого рода, которыя непосредственнѣе, сильнѣе, дольше дѣйствовали на общество наше и на литературу, — на его лирическихъ созданіяхъ, одахъ. Начало поэмы *Петръ Великій* содержитъ въ себѣ замѣчательныя красоты описательной поэзіи, но онъ не успѣлъ развить въ ней ни характера героя, ни эпическаго дѣйствія. Въ двухъ его трагедіяхъ господствуютъ также описательный и лирическій элементы. Въ нихъ нѣтъ и не могло быть драмы. Ни едва только начинавшаяся литература, ни общество наше не находились еще въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она возможна. Трагедіи и комедіи Сумарокова, какъ зрѣлище, по новости своей, могли нравиться обществу и, конечно, содѣйствовали къ основанію и утвержденію у насъ театра. Но Ломоносова они не могли удовлетворить, и, конечно, не безъ внутренней готовности и расположенія, онъ приступилъ къ выполненію воли правительства, пожелавшаго отъ него драмы. Такъ современники вѣровали въ дарованія его и считали для нихъ все возможнымъ. Ломоносовъ могъ отвѣчать на этотъ вызовъ не созданіемъ, удовлетворяющимъ своей идеѣ, а только многими прекрасными стихами. Надлежало царствованію Екатерины вступить въ лучшій свой періодъ, чтобы у насъ могла начаться истинная и своеобразная драма, сперва въ формѣ комедіи—и она дѣйствительно началась съ Фонъ-Визинымъ. И поэма и трагедіи Ломоносова составляютъ попытки въ новой для насъ сферѣ литературы, но попытки геніальнаго человѣка,

который стремится проложить пути ко всему великому и прекрасному, сіяющему предъ нимъ на дальнемъ горизонтѣ русской мысли и русскаго творчества.

Обращаясь къ лирикѣ Ломоносова, этому главному выраженію его художественнаго настроенія, мы въ сужденіяхъ нашихъ о ея мотивахъ и содержаніи должны руководствоваться не какой-либо теоріей, а историческимъ способомъ пониманія, единственнымъ, которымъ опредѣляется значеніе и достоинство дѣятелей исторіи и того, что они сдѣлали.

Перенесемся на минуту въ XVIII столѣтіе, къ началу второй его половины. Тамъ является предъ нами дочь Петра, съ русскимъ сердцемъ, на тронѣ, возстановляющая духъ народный послѣ отупленія и разслабленія, наведенныхъ на него антинаціональнымъ государственнымъ развратомъ Бироновщины. Тамъ начинается царствованіе Екатерины, этой дивной государыни, которая, силою своего необычайнаго генія, умѣла въ себѣ космополитическую душу пересоздать въ душу русскую, которая въ великомъ государствѣ открыла народъ, могущій и достойный быть великимъ и дала ему это почувствовать своими учрежденіями и уваженіемъ къ его нуждамъ и правамъ. Ломоносовъ принадлежалъ одному изъ этихъ царствованій и касался другого. Ужасъ, оковывавшій умы въ предшествовавшую эпоху, разсѣялся; пробужденные Петромъ, они начинаютъ, такъ сказать, расправлять свои силы, поворачиваться къ свѣту, который распространялся мало-по-малу надъ страною. Въ тихомъ мерцаніи зари зарождался новый день, полный отрадныхъ предчувствій и надеждъ, полный довѣрія къ будущему. Предъ взоромъ, обозрѣвающимъ тогдашнее состояніе вещей, являются три главные предмета, достойные одушевить и мысль, и талантъ: живое, въ полномъ цвѣтѣ своемъ воспоминаніе о Петрѣ, многозначащее положеніе, которое Россія, какъ государство, спѣшитъ занять и укрѣпить за собою въ Европѣ, и первые проблески національнаго самочувствованія. Энергическая душа Ломоносова, никогда не разъединявшая въ себѣ интересовъ науки отъ интересовъ жизни,

и этихъ послѣднихъ отъ судебъ отечества, не могла не чувствовать глубоко того, что представляла ему окружавшая его среда въ своихъ господствовавшихъ явленіяхъ и моментахъ. Тамъ все было полно какой-то торжественности и величія, склонявшихся къ восторгамъ и паренію гимна. И звучная лира Ломоносова естественно настроилась на этотъ тонъ. Прилагать критеріумъ нашего времени къ сужденію о поэтическомъ характерѣ и движеніи мыслей и чувствованій, образовавшихся подъ вліяніемъ другихъ началъ и другой судьбы, значило бы то же самое, что разсматривать въ телескопъ предметы, разсѣянные около насъ на землѣ въ тѣсномъ пространствѣ, или микроскопомъ наблюдать движеніе тѣлъ небесныхъ. Основные мотивы лирики Ломоносова не разлагаются на свои стихіи, не развертываются въ обиліи своего содержанія. Они выступаютъ у него въ общихъ слитыхъ чертахъ и обозначаются болѣе направленіемъ, какое даютъ духу поэта, чѣмъ развитіемъ. Это первый утренній порывъ пробужденнаго чувства, звучный кликъ новой жизни, выраженіе мысли, не исчерпывающей дѣятельности, а парящей надъ ней. Несмотря, однакожъ, на стѣснительныя условія тогдашней техники поэзіи, несмотря на необходимость прибѣгать къ извѣстнымъ риторическимъ пріемамъ, вытекавшую вообще изъ духа и направленія прежней литературы, Ломоносовъ и здѣсь въ торжественномъ тонѣ хвалебнаго гимна умѣлъ соединить силу истиннаго лирическаго чувства съ образами, отмѣченными чертами блестящей поэтической фантазіи. Образъ Петра повсюду сіяетъ передъ нимъ, какъ путеводная звѣзда всѣхъ его стремленій, всѣхъ думъ. Не напрасно говоритъ онъ въ своемъ посвятительномъ письмѣ къ Шувалову, при представленіи ему первыхъ пѣсней своей поэмы:

За кѣмъ же я пойду? Въ слѣдъ правиламъ Петровымъ.

Онъ завѣщаетъ будущему довершить свой трудъ прославленія героя:

И если въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторгнется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ,
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуетъ стопамъ.
Довольно таковыхъ сыновъ родитъ Россія.

Хвалы, расточаемыя Ломоносовымъ Елизаветѣ, совсѣмъ не есть одна дань обычаю и панегирическая реторика. Я сказалъ выше, какое значеніе имѣла эта государыня для своего времени. Кромѣ того, она видимо благопріятствовала просвѣщенію; при ней родился Московскій университетъ; она оказала вниманіе и благорасположеніе къ ученымъ и литературнымъ заслугамъ Ломоносова, охраняла его, какъ одно изъ лучшихъ украшеній своего царствованія, снисходила даже къ пылкости его характера. Много мѣстъ въ его одахъ, гдѣ говоритъ истинное чувство и одушевленіе. Прочтите, напр., строфы, гдѣ онъ убѣждаетъ императрицу посѣтить Москву, еще не поправившуюся послѣ истребительнаго пожара.

Замѣчательнѣйшія изъ лирическихъ стихотвореній Ломоносова, удостовѣряющія въ несомнѣнномъ его поэтическомъ одушевленіи, суть тѣ, гдѣ господствуетъ религіозное чувство, или воззрѣніе на природу, къ которому приводитъ мыслящій умъ человѣческій глубокое изученіе ея законовъ. Священное Писаніе даетъ содержаніе для произведенія перваго рода. Изъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давида и книги Іова онъ почерпнулъ, къ сожалѣнію, немногіе отрывки, въ которыхъ ясное пониманіе духа этихъ возвышенныхъ созданій онъ соединилъ съ прелестію языка свѣжаго, богатаго оборотами поразительной силы, блестящаго колорита. Но вниманіе изслѣдователя литературы обращается преимущественно на два оригинальныя небольшія стихотворенія его: *Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ*, послѣднее при *случаѣ сѣвернаго сіянія,* не разъ, вѣроятно, останавливавшаго на себѣ задумчивый взоръ будущаго своего наблюдателя на дальнемъ сѣверѣ, еще въ дѣтствѣ. Здѣсь естествоиспытатель, изъ круга опытныхъ изслѣдованій, поднимается до той высоты идей, гдѣ

добытыя имъ истины открываютъ передъ нимъ зрѣлище величія, красоты и гармоніи въ божественномъ міроустройствѣ. Нашъ изслѣдователь и ученый становится истиннымъ поэтомъ, подобно Гумбольдту, который въ своихъ созерцаніяхъ природы проникается поэтическимъ чувствомъ всегда, когда взоръ его обнимаетъ въ цѣломъ поприще пройденныхъ имъ наблюденій, когда космосъ является предъ нимъ въ значеніи мірозданія и въ значеніи благоустройства, красоты. Достоинство картины не теряется и теперь при расширившихся наблюденіяхъ и новомъ взглядѣ на предметъ.

Дѣйствіе художественныхъ произведеній Ломоносова на умы было могущественно. Въ нихъ люди мыслящіе привѣтствовали рожденіе изящной нашей литературы. Лица высшаго общества, увлеченныя сладкозвучіемъ русской рѣчи, впервые поразившимъ слухъ ихъ, чрезъ нее стали сближаться и съ самыми идеями, которыхъ Ломоносовъ былъ провозвѣстникомъ. Въ немъ почли они начатки русскаго образованія и окружили перваго двигателя его своимъ уваженіемъ, котораго онъ не добивался, но которое возбудилъ, какъ возбуждается оно во всѣхъ и на всякомъ мѣстѣ истиннымъ умственнымъ превосходствомъ. Но не въ одномъ высшемъ кругу ощутительно было вліяніе его: оно проникло въ ту часть народной массы, гдѣ была распространена грамотность; тамъ между громкими историческими именами, сдѣлавшимися народными, ярко звучало имя Ломоносова. Народъ не могъ понимать ученыхъ его подвиговъ и заслугъ; но онъ безсознательно чувствовалъ мощь этого ума, въ которомъ онъ чтилъ то первенца своихъ умственныхъ силъ, то ихъ воспитателя. Онъ инстинктивно понималъ и тѣ указанія на новое положеніе вещей въ Россіи, которыя выражались въ его торжественныхъ одахъ, и этотъ величавый языкъ, который образовался подъ вліяніемъ высшихъ идей и, казалось, былъ столько отличенъ отъ общенародной рѣчи, и между тѣмъ былъ такъ близокъ къ народу по своей ясности и по своимъ кореннымъ основаніямъ.